

События Пелопонесской войны, в которые Сиракузы оказались вовлечены прежде всего в связи с двумя афинскими экспедициями на Сицилию, оказали существенное влияние как на внутреннее развитие сиракузского полиса, так и на его внешнеполитическое положение. Последнее характеризуется среди прочего упрочением связей со Спартой в годы после катастрофического поражения афинской экспедиции в 413 г. до н. э. Одним из следствий таких контактов стало все более частое появление спартанских эмиссаров на Сицилии на рубеже V-IV вв. до н. э., вмешательство которых зачастую серьезно сказывалось на развитии событий как в Сиракузах, так и во всей греческой части Сицилии. Античная историография, которая зафиксировала их деятельность, существенно расходилась в ее оценках.

Отчасти подобные противоречия объясняются отношением некоторых древних авторов к сочинениям своих предшественников. Так, Плутарх биографии Никия, значительная часть которой повествует о событиях на Сицилии в интересующий нас период, отмечает, что Тимей надеялся превзойти Фукидида выразительностью, Филиста же выставить полным невеждой и неучем (Τιμαίῳ ... ὅς ἐλπίσας τὸν μὲν Θουκυδίδην ὑπερβαλεῖσθαι δεινότητι, τὸν δὲ Φίλιστον ἀποδείξειν παντάπασι φορτικὸν καὶ ἰδιώτην – Plut. Nic. 1, 2). Действительно, Тимей расходится в оценке событий, имевших место на Сицилии на исходе V в. до н. э., с остальными историками, особенно отчетливо это проявляется в суждениях относительно деятельности спартанца Гилиппа, приведенных в уже упомянутом произведении Плутарха.

Согласно суждению историка из Тавромения, решающий вклад в победу над афинянами внесло не вмешательство спартанского военачальника, как полагали Филист, Фукидид и Плутарх (Plut. Nic. 19, 5: «Что все последующее

развитие событий в Сицилии – заслуга Гилиппа, ситал не только Фукидид, но и сиракузянин Филист, очевидец этих событий»), а сиракузскому полководцу и политическому деятелю Геромкрату¹, о чем свидетельствует автор анонимного трактата «О возвышенном», приводя выдержку из Тимеева текста: «Они [афиняне – Д. Б.] обесчестили бога Гермеса, разбив его изваяния. За это они были жестоко наказаны. Кару свою они понесли от того человека, который по отцовской линии происходит от незаконно оскорбленного бога – от Гермократа, сына Гермона» - De subl. 4, 3; ср.: Plut. Nic. 1, 3).

Более того, Тимей, насколько позволяют судить сохранившиеся свидетельства, стремится изобразить Гилиппа самым отталкивающим образом: отметив грубость (Plut. Nic. 28, 3), скупость и алчность (Plut. Nic. 19, 4; 28, 3) своего персонажа, которую историк из Тавромения назвал наследственной болезнью спартанца (Plut. Nic. 28, 3) и тем самым провел параллель между натурой Гилиппа и его отца Клеандрида, изгнанного из Спарты по обвинению в получении денег от афинян, Тимей указывает, что эти черты были источником насмешек над Гилиппом и пренебрежительного отношения к нему со стороны сиракузян (Plut. Nic. 19, 4; 28, 3). Далее, в рассказе о дебатах, разгоревшихся в сиракузском народном собрании по поводу судьбы захваченных в плен афинян и их союзников, Тимей подчеркивает стремление спартанца, пытавшегося добиться отправки пленных афинских военачальников – Никия и Демосфена – в Спарту, навязать гражданам свое решение относительно будущего этих стратегов, чем вызвал недовольство сиракузян (Plut. Nic. 28, 2-3). Следует добавить, что и в этом сообщении Тимей излагает события иначе по сравнению с Филистом и Фукидидом (Plut. Nic. 28, 4)².

---

¹ По мнению Л. Пирсона, Фукидид также был склонен признавать заслуги Гермократа в качестве одного из творцов победы над афинянами: Pearson 1987, 146-147.

² Расхождение касается рассказа о гибели стратегов: согласно Филисту и Фукидиду (Thuc. VII, 86, 2; Plut. Nic. 28, 4), их казнили сиракузяне, согласно Тимею, они покончили с собой, предупрежденные Гермократом (Plut. Nic. 28, 4). Однако утверждение Тимея о том, что Гилипп намеревался сохранить жизнь афинским стратегам, находится в полном согласии со свидетельством Фукидида (VII, 86, 2-3). В рассказе Диодора, напротив, именно Гилипп выступает инициатором казни стратегов (Diod. XIII, 33, 1). Однако К. Майстер (Meister 1967, 64-65) настаивает на том, что данные «Исторической библиотеки» в этом

Наконец, завершающим штрихом к негативному образу Гилиппа, созданному Тимеем, служит утверждение о том, что спартанец был с позором изгнан из Сиракуз (Plut. Compar. Timol. et Aem. 2, 2). В этом случае рассказ Тиме вновь расходится с сообщениями прочих древних историков. Действительно, если Фукидид ничего не сообщает прямо об обстоятельствах отплытия Гилиппа из Сиракуз, несмотря на это общий тон его повествования не позволяет предположить, что между спартанцами и сиракузянами произошел разрыв³. Напротив, в «Исторической библиотеке» Диодора сообщается, что спартанский полководец покинул Сицилию в сопровождении отправленного на помощь лакедемонянам сицилийского флота во главе с Гермократом, получив в награду от жителей Сиракуз часть военной добычи (Diod. XIII, 34, 4)⁴. Следовательно, Диодор, который, по-видимому, широко использовал данные Тимея⁵, в этом случае предпочел его версии другой рассказ, с его точки зрения, более достоверный и напрямую, вероятно, восходящий к сочинению Филиста⁶.

Таким образом, деятельность Гилиппа на Сицилии представлена Тимеем крайне недоброжелательно. Более того, историк намеренно вступает в противоречие со свидетельствами иных авторов, особенно в тех случаях, где это позволяет подчеркнуть негативное восприятие как личных качеств, так и действий спартанца. Представляется, что подобное отношение Тимея к свое-

---

случае восходят именно к Тимею, подвергая сомнению тимеевское происхождение текста в главе 28 биографии Никия.

О Тиме как об источнике речей Николая и Гилиппа – Brown, Vanotti.

³ По словам Фукидида (VIII, 13, 1), это были те корабли, которые «Гилиппом помогали закончить войну». Такое выражение является скорее свидетельством в пользу сотрудничества между спартанцем и сиракузянами вплоть до победы над афинским войском, равно как и акт помощи союзнику в виде отправки кораблей в Эгейское море.

⁴ Фукидид, в отличие от Диодора, разделяет во времени возвращение Гилиппа в Пелопоннес и прибытие союзной сицилийской эскадры (Thuc. VIII, 13, 1 – возвращение Гилиппа; 26, 1 – прибытие Гермократа).

⁵ Согласно одному из распространенных в исследовательской литературе мнений, Тимей пользовался данными Филиста, но интерпретировал их по-своему, зачастую совершенно противоположным образом по сравнению со своим источником: Фролов, Clasen, Beloch, Laquer, Brown, Stroheker, Berve, Sordi, Frolov, Sabbatini, Pearson, Vanotti, Zahnt.

⁶ По мнению К. Майстера, источником Диодора в этом случае являлось историческое сочинение Эфора (Meister 1967, 68).

му персонажу заслуживает более пристального внимания. Следует выяснить, влияли ли на изображение этим историком Гилиппа личные пристрастия или причины его нерасположенности к спартанцу были иными, возможно, более глубокими.

[Степень исследованности этого вопроса на удивление невелика. Даже в специальных монографиях Т. С. Брауна и Л. Пирсона вопросу об отношении Тимея к Гилиппу или вообще к спартанцам, действовавшим на Сицилии, не уделяется внимания. Как правило, суждения по этому вопросу сводятся к самым общим ссылкам на локальный, сицилийский патриотизм Тимея.]

Изображение Тимеем Гилиппа имеет ряд существенных общих черт с описанием еще одного спартанца, появляющегося на страницах «Исторической библиотеки» Диодора – с Дексиппом, который упоминается в связи с действиями карфагенян на Сицилии в 406 г. до н. э. (Diod. XIII, 85, 3-4; 87, 5; 88, 7) и приходом к власти Дионисии Старшего в 405 г. до н. э. (Diod. XIII, 93, 1-4; 96, 1). Известия Диодора в указанных частях его труда восходят, по видимому, именно к данным Тимея⁷. В пользу тимеевского происхождения описания в «Исторической библиотеке» обороны Акраганта свидетельствует прямая ссылка на этого автора (Diod. XIII, 85, 3 = FgrHist IIIb, 566, fr. 27). Прийти к заключению об источнике прочих сведений о Дексиппе в сочинении Диодора позволяют следующие соображения: к ним относятся, во-первых, компактное расположение фрагментов, в которых фигурирует Дексипп; во-вторых, неизменно негативная оценка его деятельности автором; наконец, в-третьих, схожесть приемов описания с теми отрывками, зависимость которых от свидетельств Тимея не вызывает сомнений.

Тимей, описывая прибытие Гилиппа на Сицилию, сравнивает его с внезапно появившейся совой из поговорки, поскольку к нему со всех сторон стали собираться сторонники, привлеченные атрибутами его спартанского до-

---

⁷ Мнение о том, что Диодор черпал сведения о Дексиппе из труда Тимея поддерживали Х. А. Фольквардсен, Э. Шварц, Р. Лакер, К. Майстер, Л. Пирсон, сомнения в едином происхождении сообщений о спартанце в тексте «Исторической библиотеки» высказывали Т. С. Браун, М. Сорди, Л. Дж. Сандерс.

стоинства – плащом и посохом (Plut. Nic. 19, 4). Как и в случае с Гилиппом, Тимей обращает особое внимание на происхождение Дексиппа, отмечая, что тот пользовался в сицилийской Геле, где Диодор впервые представляет этого персонажа своей истории читателю, уважением из-за того, что был лаконцем (Diod. XIII, 85, 3 = FgrHist IIIb, 566, fr. 27). Очевидно, что в обоих случаях Тимей стремится подчеркнуть тот факт, что оба спартанца были обязаны своим положением внешним признакам, подчеркивавшим их лаконское происхождение и придававшим вследствие этого им особый вес в глазах сицилийцев в силу авторитета их родного города. Впрочем, Тимей отмечал, что внешность Гилиппа стала предметом насмешек уже вскоре после его прибытия на Сицилию, еще до того, как проявились иные его дурные качества (Plut. Nic. 19, 4).

Намеренность такого изображения спартанцев становится очевидной по мере развертывания событий, когда обстоятельства позволяли обнаружиться внутренним качествам спартанцев, мало соответствовавших в описании Тимея их первоначальному реноме. В отношении Гилиппа недовольство вызывали, как уже было отмечено, его алчность, скупость, грубость, а также неприятная сицилийцам манера командования. О Дексиппе же автор «Исторической библиотеки» сообщает, как представляется, с некоторой иронией, что его действия во время сражения с карфагеннами под Акрагантом были не такими, каких следовало ожидать от человека, сведущего в военном деле (δοκῶν εἶναι τῶν πολεμικῶν ἔργων οὐκ ἄπειρος – Diod. XIII, 87, 5). Кроме того, Дексипп не избежал и упрека в алчности, поскольку в его адрес высказывалось обвинение в предательстве и в получении денег от карфагенян (Diod. XIII, 87, 5; 88, 7).

Наконец, оба спартанца, согласно Тимею, были изгнаны с Сицилии: Гилипп – недовольными сиракузянами (Plut. Compar. Timol. et Aem. 2, 2), а Дексипп – Дионисием Старшим (Diod. XIII, 96, 1). Тем самым подчеркивает-

ся несостоятельность их в качестве исполнителей возложенных на них обязанностей, по крайней мере, с точки зрения историка из Тавромения⁸.

Следует отметить, что Тимей приписывает своим персонажам отрицательные качества не всегда заслуженно. В самом деле, относительно проявлений алчности Гилица во время его пребывания на Сицилии не сохранилось данных. Впрочем, Тимей едва ли располагал ими, поскольку для подтверждения своего тезиса о стяжательстве вынужден был ссылаться на аналогию в поведении отца Гилица, Клеандрида, и на позднейшие действия самого Гилица, обвиненного в присвоении части добычи, захваченной Лиандром после капитуляции Афин и отосланной с Гилицом в Спарту.

Столь же сомнительны и обвинения Дексиппа по поводу взятки и некомпетентности в военном деле. Относительно последнего следует отметить, что сам по себе факт приглашения этого спартамца жителями Акраганта в качестве командующего отрядом наемников и передача под его контроль ответственного участка обороны города свидетельствует в пользу его авторитета и военного опыта. Очевидно, Тимей не мог оспорить этого факта, опираясь на прямые свидетельства, и поэтому прибег к иронии, усомнившись в подлинной глубине военных познаний Дексиппа. История же о взятке в «Исторической библиотеке» приводится в двух вариантах: в одном случае ее получателем назван Дексипп (Diod. XIII, 88, 7), а в другом – служившие у него наемники-кампанцы, действительно перешедшие на сторону карфагенян (Diod. XIII, 88, 5). Вероятно, что в этом случае обвинение, источником которого, по свидетельству Диодора, был слух (Diod. XIII, 88, 7) с подлинных предателей распространилось и на стратега.

Примечательно, что источник Диодора, которым, по-видимому, являлся Тимей, осознанно использовал заведомо ненадежные и сомнительные свидетельства с целью представить обоих спартамцев – Гилица и Дексиппа – в наименее благоприятном свете. Можно усомниться в том, что причиной та-

---

⁸ Несмотря на то, что Дексипп не поддержал планов Дионисия Старшего по захвату власти, он и не противодействовал им, чем, по-видимому, вызвал недовольство Тимея.

кого недоброжелательного отношения историка к своим персонажам была только личная неприязнь. Схожесть описаний деятельности обоих спартанцев и приемы, использованные при их создании и намеренное, целенаправленное формирование негативного восприятия образов Гилиппа и Дексиппа предполагают существование общего принципа их изображения.

Такой принцип, если он существует в действительности, может отчасти заключаться в противопоставлении деятельности спартанцев и сиракузянина Геромкрата. Мы уже видели, что Тимей именно ему приписывал главную роль в победе над афинянами. В случае с Дексиппом оснований для противопоставления его Гермократу, на первый взгляд, меньше. Однако для Тимея активная борьба Гермократа против карфагенян после его возвращения на Сицилию из изгнания являла резкий контраст с более сдержанным, расчетливым поведением Дексиппа во время осады Акраганта.

Обращает на себя внимание тот факт, что деятельность Гилиппа на Сицилии послужила своеобразной моделью для последующих спартанских эмиссаров, пытавшихся выступить в качестве объединителей и руководителей сицилийских греков, и превратилась в один из шаблонов спартанской внешней политики. Так, в середине IV в. до н. э. во время борьбы в Сиракузах между Дионом и Гераклидом из Спарты прибыл некий Гесил, намеревавшийся начальствовать над сицилийцами по примеру Гилиппа (πλεῖν ἐφ' ἡγεμονίᾳ τῶν Σικελιωτῶν – Plut. Dion 49, 3). О спартанце Фараке Плутарх сообщает, что тот также намеревался овладеть Сицилией (ἄρξειν Σικελίας – Plut. Compar. Timol. et Aem. 2, 2). Примечательно, что это указание непосредственно примыкает в тексте Плутарха к выдержке из Тимея об изгнании Гилиппа из Сиракуз. В совокупности эти известия образуют ряд свидетельств о попытках установления контроля над Сицилией разными лицами и как целое противопоставляются деятельности Тимолеонта, добровольно сложившего с себя чрезвычайные полномочия и сделавшегося частным лицом (Plut. Compar. Timol. et Aem. 2, 3). Как известно, симпатии Тимея целиком были

отданы Тимолеону и даже стали объектом критики Полибия (XII, 23, 6-7). Вероятно, что и свидетельство о Фараке может быть отнесено к числу данных, позаимствованных Плутархом у Тимея.

Таким образом, изображение у Тимея деятельности спартанцев на Сицилии не сводится только к ее противопоставлению активности Геромкрата. Действия спартанцев, по-видимому, рассматриваются Тимеем как попытка распространить на остров влияние своего родного города. Действительно, именно такого рода стремления имели еще два спартанских эмиссара, появившихся на Сицилии в начале IV в. до н. э. – Арист (Diod. XIV, 10, 2-3) и Фаракид (Diod. XIV, 70, 1-3), сведения о которых в «Исторической библиотеке» восходят, по-видимому, также к Тимею⁹. Оба эти спартанца в рассказе Диодора содействовали упрочению власти Дионисия Старшего и обманули связанные с ними надежды сиракузян на свободу: Арист – убив одного из их предводителей, коринфянина Никотеля, Фаракид же – открыто поддержав Дионисия и заявив, что прибыл на Сицилию для войны против карфагенян, а не против тирании. Следует отметить, что для Тимея, по-видимому, именно Дионисий Старший был инструментом спартанской политики на Сицилии¹⁰, ведь, по словам Диодора (Diod. XIV, 10, 2)¹¹, спартанцы надеялись, «содействуя его власти, сделать Дионисия послушным себе вследствие оказанных ими благодеяний».

Подведем итоги. Негативные образы спартанцев, действовавших на рубеже V-IV вв. до н. э. на Сицилии, которые встречаются в сочинениях Плутарха и Диодора, обязаны своим происхождением Тимею. Стремление этого историка выставить представителей Спарты в самом неприглядном виде, в том числе благодаря сознательной предвзятой интерпретации материала объясняется, по-видимому, тем, что, с точки зрения Тимея, спартанская политика на Сицилии в конце V в. до н. э., поставившая себе целью установление

---

⁹ Meister 1967, 85, 93.

¹⁰ Лисандр и брачная политика Дионисия Старшего.

¹¹ К. Майстер, относил происхождение отрывка XIV, 10, 1-2 к Эфору, но описание деятельности Ариста в Сиракузах возводил к Тимею.

контроля над островом, была экспансионистской в той же степени, что афинская или карфагенская.

Тимей и спартанская политика на Сицилии на рубеже V и IV вв. до н. э.

Д. В. Бубнов

Рассматривается вопрос об отражении в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского роли спартанцев в военно-политической истории греческой Сицилии на исходе V в. до н. э. Негативная характеристика, данная в этом произведении ряду спартанских полководцев (Гилипп, Дексипп), принимавших участие в событиях на острове в указанное время, восходит, по-видимому, к историческому сочинению Тимея. Отрицательные образы спартанцев возникают отчасти благодаря противопоставлению их дел деятельности Гермократа. Однако анализ критериев, в соответствии с которыми оценивается активность спартанцев, позволяет предположить более серьезные основания для негативного отношения к этим персонажам историка из Тавромения. Представляется, что, с точки зрения Тимея, спартанская политика на Сицилии в конце V в. до н. э. была экспансионистской в той же степени, что афинская и карфагенская. Именно этим объясняется негативное отношение этого историка к вовлеченным в события на Сицилии спартанским полководцам, отразившееся затем в произведении Диодора.

Timaeus and the Sparta's Sicilian Policy
in the Late Fifth and Early Fourth Centuries B. C.

D. V. Bubnov

The role, played by some Spartan military leaders in Sicilian affairs of the late fifth century B. C., as it is shown by Diodorus, is discussed. It seems that the negative assessment of Spartan activity in Sicily under Gylippus or Dexippus in his "Library of history" goes back to Timaeus' history. It is likely that such view on the Spartans was partly produced by their policy compared with Hermocrates' one. But the analysis of Timaeus' evidences allows us to suppose that the other, main cause for negative assessment of Spartan activity existed. The author argues that from the Timaeus' point of view Sparta's policy in Sicily was expansionistic, and this feature determines the historian's attitude to the Spartans.